

Стасс Бабицкий

ОКАЯННЫЙ ДОМ

Сыщик Мармеладов

Стасс Бабицкий

Окаянный дом

«Автор»

Бабицкий С.

Окаянный дом / С. Бабицкий — «Автор», — (Сыщик Мармеладов)

ISBN 978-5-44968-215-4

Рассказы о приключениях сыщика Мармеладова в Китае, Персии, Москве и Петербурге. В сборник вошли шесть детективов: «Восточный ветер» Май 1895 года. Сыщик Мармеладов путешествует по северному Китаю и случайно встречает чиновника русского железнодорожного ведомства. Тот предлагает скоротать вечер за игрой в маджонг. Ставки в этой игре весьма высоки. Мало просто выиграть партию, сыщику также придется разгадывать тайну исчезновения графа Уварова, который растворился в воздухе на глазах дюжины свидетелей, не оставив ни единого следа. «Смерть под балдахином» Август 1895 года. Дворец персидского шаха Насреддина охраняет казачья сотня и отряд ассасинов, способных растерзать любого злодея. Но все без толку. Наследник Павлиньего трона отравлен в своей опочивальне, его хладный труп обнаружен на ложе под золотым балдахином. Кто стоит за жутким преступлением? Мармеладов, волею случая оказавшийся в Тегеране, должен отыскать убийцу до рассвета. Иначе... «Ч. З. Р. Т.» Июль 1897 года. У надворного советника Сомова было прелюбопытное хобби: он искал в газетах тайные шифровки, которые посылают друг другу заговорщики. И однажды нашел. Сказал жене: «Теперь-то они попались!» и написал поверх маленькой заметки «Ч. З. Р. Т.» В тот же вечер его жестоко убили. Петербургская полиция сбилась с ног в поисках преступников. Не пора ли позвать частного сыщика? «Окаянный дом» Июнь 1897 года. Любовница купца Игумнова исчезает при таинственных обстоятельствах. По Москве ползет слух, будто он замуровал девицу в подвале своего дома. Живьем замуровал! Полиция никаких следов не обнаружила. Мармеладов берется расследовать эту историю. «Люди гибнут за металл» Май 1899 года. Звуковой мастер фирмы «Берлинер и Ко» во время концерта Шаляпина записал на грамофонную пластинку подозрительный звук, который может означать лишь одно: где-то поблизости совершено жестокое преступление. Заинтригованный сыщик

отправляется на поиски таинственного убийцы. «Адские кущи» Однажды к старому могильщику явился дьявол и подсказал способ, как обрести бессмертие. Но взамен придется каждый год душировать красивую девицу – в ту ночь, когда весна прощается с миром и приходит лето. Могильщик согласился и стал упырем. Полвека спустя на подмосковной даче собралась веселая компания – красавицы, поэты, юнкера. Кто из них падет жертвой древнего зла?

ISBN 978-5-44968-215-4

© Бабицкий С.

© Автор

Содержание

Восточный ветер	6
Смерть под балдахином	16
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Стасс Бабицкий

Окаянный дом

Восточный ветер

Сыщик прищурился и сунул левую руку в пасть дракона.

– Не бойтесь? А вдруг цапнет?

В голосе звучала насмешка, впрочем, вполне дружелюбная.

– Нет, не боюсь. Он же каменный.

– Не судите по внешнему виду, господин Мармеладов. Здесь, на Востоке подобная доверчивость может стоить вам жизни! – сухошавый брюнет высунулся по пояс из окна второго этажа. – Китайцы, те еще хитрецы, им ничего не стоит намазать зубы статуи ядом или поместить в пасти дракона пресс для раздавливания пальцев. Вам повезло, что эти истуканы у входа отпугивают не людей, а злых духов... О, Господи! Что же я вас на пороге держу. Проходите, проходите скорее. Мы уже заждались!

Ворота, покрытые красным лаком, отворились с высокомерной медлительностью. Тягучий медный звон раскатился по пустому двору, возвещая о прибытии гостя. Давешний брюнет ждал на крыльце, чтобы троекратно облобызать сыщика.

– А я издали приметил эту диковинку, – он кивнул на высокий головной убор из черного фетра.

– Десятигаллонный стэтсон¹, – Мармеладов снял шляпу, поля которой загибались кверху, и картинно поклонился. – Последний писк моды в Техасе. Уже больше года ношу только его, поскольку ни в Америке, ни тем более в этой вашей Азии, приличного цилиндра днем с огнем не отыщешь.

– Хотите, одолжу вам один из своих?

– Что вы, Максим Владимирович, потерплю до Москвы. А за опоздание извините. Честно признаться, вы застали меня врасплох. Я в Мукдене² проездом и уже намеревался следовать дальше, но тут принесли ваше приглашение...

– Конечно, конечно! Никаких упреков. Я ведь о вашем прибытии тоже узнал случайно. Только потому, что в городе нет русского консула или других чиновников, и все проезжие грамоты путешественников приходится заверять мне. Я давно привык куковать тут в одиночестве. Мои драгоценные земляки проезжают мимо, даже не подозревая, что в этой маньчжурской глуши за всю Российскую империю отдувается посланник железнодорожного ведомства с неблагозвучной для русского уха фамилией – Клейнмихель. Кстати сказать, китайцев такое созвучие и вовсе в ступор вгоняет, но тут уж ничего не могу поделать, фамилия мне от деда досталась.

– Как и склонность к строительству железных дорог, – улыбнулся сыщик.

– Ох, вы прямо соль на рану! Два года переговоров, взяток, скандалов, подделки подписей... А дорога существует только на бумаге, и похоже, при моей жизни этот воз с места не сдвинется... Но к чему говорить о грустном? Прошу к столу!

Внутренние покои напоминали деревенскую горницу – иконы в красном углу, стол и широкие лавки с резными спинками, сундук и прялка, даже всамделишная русская печь, из которой дородная баба доставала пирожки.

---

¹ Американская шляпа, особенно популярная у ковбоев Дикого Запада.

² Древняя столица Маньчжурии, в наши дни – китайский город Шеньян.

– Один мудрый человек говорил: «Чтобы стоять, я должен держаться корней». Вот и держимся, помаленьку, – хихикнул Клейнмихель, как показалось сыщику – нервно.

Гости чиновника сидели неподвижно, словно поспорили: кто первый шелохнется, тот и проиграл. Может, так оно и было.

Эти двое являли полную противоположность друг другу. Генерал Си Хайпэн, суровый маньчжур с кожей цвета промасленной бумаги, все время хмурился. Во всяком случае, такое впечатление производили кустистые седые брови. Они напоминали птичьи гнезда, прилепившиеся к его большой лысой голове, и если бы оттуда выпорхнул воробей, пожалуй, никто бы не удивился. Брови эти военачальник отрастил нарочно, чтобы отвлекать внимание собеседников от своих хищных и колючих глаз. Он кутался в длиннополый халат, расшитый красными и золотыми нитями, из наплечников торчали острые рога яка – отгонять проклятия, порчу и иную ворожбу. Для этой же цели на шее висела дюжина золотых и серебряных амулетов. На левом предплечье генерал носил три кисета: в самом маленьком – душистый табак, в среднем – важные бумаги, а в длинном, судя по очертаниям, спрятан кинжал.

– Рад знакомству! – пролаял маньчжур и нахмурился еще сильнее. – Очень рад!

Советник губернатора провинции, китаец Чэнь Вэньюй – низкорослый толстячок с лоснящимися щеками, – мелко закивал, выражая ту же мысль. Возраст его невозможно определить даже приблизительно. Лицо гладкое, без единой морщины. Пухлые пальцы украшены перстнями с дорогими камнями. Волосы собраны в пучок. Халат совсем другого покроя, с широкими рукавами, весь белый с зеленым кушаком. На воротнике нефритовая брошь с драконьей головой.

– А это Родион Мармеладов, знаменитый путешественник, объехавший весь мир, – представил хозяин. – В России он не менее известен своими подвигами на поприще уголовного сыска. И я безмерно счастлив, что столь выдающийся сын Отечества составит нам сегодня компанию в большой игре. Не желаете, для начала, рюмочку? За встречу, так сказать...

Клейнмихель попытался силой увлечь сыщика, однако не преуспел в этом и, ничуть не смутившись, радушным жестом пригласил к столику, на котором стояли тарелки с закусками. Помимо привычных соленых огурцов, квашеной капусты и вареников в сметане, здесь были копченые свиные уши, фиолетовая мякоть какой-то диковинной рыбы, салат из водорослей со жгучим перцем, креветки и, конечно, пирожки с разной начинкой, все еще дышащие печным жаром. Посреди натюрморта высился запотевший графин.

– Саки?³ – спросил Мармеладов. – Или байцзю?⁴

– Ни в коем случае, – возмутился чиновник. – Наша, русская водочка. Чистая, как слеза, пролитая от тоски по Родине. Иных напитков в этих краях я не употребляю и вам не советую.

Он налил две рюмки. Выпил свою залпом, шумно выдохнул и улыбнулся.

– Для маджонга⁵ нам нужен четвертый партнер, а граф Уваров, который обычно составляет мне компанию против этих азиатских ловкачей... Сегодня отсутствует... Я вам невероятно благодарен. Вы спасли мою честь, а вместе с ней честь империи, от имени которой я веду здесь дела. Эти два яичных желтка никогда не упустят повода изобразить оскорбленное достоинство. Пока вас не было, подняли вой: мы столько ехали, бу-бу-бу, а ты нас не уважаешь, бу-бу-бу... Должен предупредить, господин Мармеладов, эти черти не слишком хорошо говорят по-русски, но понимают нас прекрасно. Так что воздержитесь от неосторожных замечаний.

От столика с закусками прошли к большому столу, на котором китаец и маньчжур возводили крепость из костяных фишек. Три стены выстроились строго по линейке, четвертую еще собирали. Клейнмихель зачерпнул горсть костяшек из общей кучки и показал сыщику.

---

³ Маньчжурская водка.

⁴ Китайская водка.

⁵ Старинная азартная китайская игра с большим набором фишек (костей) для собирания комбинаций.

– В маджонге есть три вида мастей – бамбуки, монеты и числа. Числа, правда, изображаются иероглифами, но вы быстро запомните. Их не так много – от одного до девяти. А еще есть драконы, вот смотрите, – красные, белые и зеленые.

Он показал закорючки, в которых Мармеладов никогда не угадал бы драконов. На его взгляд это были факел, открытое окно и раздавленная жаба.

– А вот эти синие иероглифы, – видите? – обозначают четыре разных ветра. Их собирать выгоднее всего, потому что ветра и драконы умножают вашу комбинацию.

– То есть игроки, шаг за шагом, собирают парные фишки? – уточнил сыщик.

– В самую точку! Только не пары, а тройки. Вы можете взять кость со стены или ту, что скинул другой игрок, и если собрали тройку, выкладываете на стол перед собой. Собственно, четыре такие комбинации и пара близнецов в придачу – это и есть маджонг.

Мармеладов задумчиво провел пальцем по стертým граням миниатюрных кирпичиков в крепостной стене.

– А если собрать последовательность? – спросил он. – Например, единицу, двойку и тройку в числах?

– Допустимо! Это вполне допустимо, – снова закивал китаец.

– Но подобная ерунда ничего не стоит, – возразил маньчжур.

Максим Владимирович снял сюртук и остался в крапчатом жилете. Уселся на лавку, подложив подушку-валик под поясницу.

– Игра сложная, но с вашими изумительными способностями к логическому мышлению... Придвигайте стул, господин Мармеладов. Да, вон тот, с резной спинкой, он самый удобный в комнате... Мы уже разыграли очередность ходов. Восточная стена досталась господину Хайпэну, человеку безмерно мудрому, как и весь Восток, – он привстал и поклонился маньчжuru, а тот вновь насупил брови. – На севере сяду я. Потому что я с севера, что ли? Юг мы отдали господину Вэньюю. Он родился в Дайляне, городе великих мужей, и приехал служить в здешнюю провинцию, поскольку на должности в свите губернатора запрещено назначать местных уроженцев. Золотая идея! Чиновники меньше переживают за свою родню и друзей, а все императорские приказы исполняют без предвзятости. Жаль, у нас в России такое не пройдет никогда-с... Но я отвлекся. Вам, дорогой гость, для игры достается запад.

Оба азиата перед началом игры подчеркнули, что не собираются мошенничать, но сделали это по-разному. Китаец подвернул длинные рукава до локтя и уложил широкими складками. Маньчжур наоборот, стянул манжеты кожаными шнурками.

– С Богом! – перекрестился Клейнмихель и бросил кубики.

Разобрали южную стену. У всех игроков на руках оказалось по тринадцать фишек, а у генерала – четырнадцать. Он сделал первый ход и объявил:

– Бамбуковая единица!

На стол легла крикливо-раскрашенная кость: цвета смешались в кособокое пятно, формой и расцветкой – вылитый попугай. Китаец в ответ пробормотал рифмованное заклинание, желая противнику неудачи, а себе – лучшего расклада. Потянулся к ярусу из фишек, но тут раздался голос хозяина дома:

– Я, пожалуй, заберу, – он перехватил «попугая» и выложил рядом двух таких же пташек. – Уж извините!

Советник губернатора скрипнул зубами. А игра-то, оказывается, азартная!

Вскоре Мармеладов разобрался в механике маджонга. Судьба, или, если хотите – вероятность, изрядно влияет на расклад костей в стене. Следовательно, играть новичку имеет смысл не против чужих комбинаций, а против самих игроков. Понимая их стратегии, можно угадать и дальнейшее развитие партии. Взять хотя бы Клейнмихеля: вот уже пять ходов снимает со стены и тут же сбрасывает, практически не глядя. У него уже есть хороший набор, и не хва-

тает одной или двух нужных костей. Чиновник будет всю игру просеивать стену или ждать сброса нужной кости.

Маньчжур собирает драконов. Сыщик легко проверил это, щелчком отправив на центр стола раздавленную жабу. Генерал обрадовался, точнее впервые за вечер перестал хмуриться.

– Вы что же, вправду сбросили дракона? Опрометчиво. Похоже, вы не уловили суть игры. Такие фигуры нужно хранить у себя, – он подхватил кость с зеленой кляксой и предъявил полную тройку драконов.

– Да-а-а, подобных подарков в самом начале партии мы друг другу прежде не делали, – вздохнул Максим Владимирович, который к тому же лишился хода.

Китаец сбрасывал числа и бамбуки, очевидно, хотел собрать чистую масть на монетах. Понятное дело, кто же из чиновников не падок на золотые и серебряные кругляши?!

Сыщик подстроился под сносы Чэнь Вэньюя и собрал две последовательности на бамбуках.

– Похоже, господин Мармеладов хочет отыскать змею, сокрытую в листве, – пробормотал раздосадованный толстяк.

– Помилуйте! Я даже не представляю, какую комбинацию вы имеете ввиду, – откликнулся сыщик. – Более того, я единственный человек в этой комнате, у которого нет причин скрывать. И я говорю совсем не об игре.

– Э-эм, тогда о чем вы? – Клейнмихель замялся и бросил взгляд на спасительный столик с закусками. – А, кстати, не желаете еще по рюмочке?

– Максим Владимирович, может, хватит?

– Вы про водку? Не-е-ет, мне определенно нужно выпить.

– Я про ту комедию, что вы здесь устроили, – Мармеладов встал и подошел к чиновнику железнодорожного ведомства.

– Комедию? – рука, наливающая рюмку, дрогнула, но голос оставался спокойным. – Я, признаться, не совсем понимаю...

– У вас в кармане не меньше пяти телеграмм, – объяснил сыщик. – Я со своего стула прекрасно разглядел их уголки. Стало быть, дело серьезное и оно еще не окончено – вы все время проглядываете то на часы, то на дверь. Ждете очередного курьера от телеграфиста? Ваши уважаемые соперники в курсе происходящего, поскольку только что поспешили спрятать свои телеграммы поглубже – один во внутренний кармашек халата, другой в бархатный кисет на левом запястье...

– Елури!⁶ – воскликнул маньчжур.

– У вас что же, глаза на затылке? – ахнул китаец.

– Ничего подобного. Я просто вижу ваши отражения в графине с водкой. Факт в том, господа, что вы обеспокоены какой-то общей проблемой. Пока мы играли, я обдумал и отбросил множество версий. Осталась одна: это связано с внезапным исчезновением графа Уварова. Он должен был вернуться из некоего опасного похода, но не прибыл вовремя. Это так?

Генерал снова насупил брови. Советник уважительно зацокал языком. Клейнмихель же посмотрел на них с улыбкой:

– Я же говорил, что Родион Романович лучший в своем деле!

Мармеладов расценил его слова как тост, отсалютовал рюмкой и немедленно выпил. Закусил соленым грибом, на вид незнакомым, но довольно вкусным.

– Вы хотите, чтобы я разыскал графа? Тогда расскажите, при каких обстоятельствах он пропал.

Китаец всплеснул пухлыми руками и заголосил:

---

⁶ Демон грома и молнии в мифологии маньчжуров.

– Правильно! Ах, как точно вы подметили. Пропал граф. Именно что пропал. Исчез прямо на глазах у свидетелей! Растворился в воздухе, не оставив следа.

– В каком смысле, не оставив следа? – переспросил сыщик.

Максим Владимирович выщедил свою рюмку, утер губы тыльной стороной ладони и вернулся к столу. Уставился в свои фишки, словно пытаясь отыскать в этой комбинации какой-то внятный ответ. Покачал головой, машинально сбросил какую-то бамбуковую мелочь, и только потом ответил:

– К сожалению, в самом прямом смысле. Давайте я изложу историю в хронологии... Позавчера, то есть это у нас было... – он сверился с телеграммами, – да-с, 11 мая 1895 года, граф Уваров возвращался из Муданьцзяна, где выполнял... Некую миссию, связанную со строительством железной дороги.

– И не терпящую огласки, – вставил китаец.

– Да-да, не перебивайте! – раздраженно отмахнулся Клейнмихель. – Графа сопровождали шесть стражников-китайцев и личный адъютант Бегичев. Когда они проехали Дуньхуа... Впрочем, для вас эти названия пустой звук.

– Я попросил бы не произносить столь неприятных слов, – улыбка китайца натянулась, как струна. – Название Дуньхуа взято из «Четверокнижия» Конфуция и означает...

– Означает, что вы бесцеремонно вторглись на священные земли маньчжуров! – рявкнул генерал, припечатывая фишку к столу. – Ваш народ нарушил вековой запрет! Проползли по одному, по двое. Хижины поставили, шалаши свои проклятые. А десять лет назад вызвали инспектора из столицы – тут у нас целый уезд, на картах не отмеченный...

Он убрал руку, и все увидели восточный ветер. Старик так разозлился, что снес важную для себя фигуру, даже не заметив этого.

– Ваши склоки не имеют никакого отношения к делу, – покачал головой Клейнмихель. – Вернемся к происшествию с господином Уваровым. В дороге у него опустела фляга, поэтому граф свернул к придорожному трактиру. Велел своим спутникам не спешиваться, поскольку он вернется через минуту-другую. Открыл дверь и исчез.

– Его забрали злые духи! – Си Хайпэн все никак не мог успокоиться.

– Бросьте свои шаманские штучки! Ну, какие духи? Это полный бред, – обозлился железнодорожник. – Граф выполнял... Весьма деликатные поручения. Через это нажил много врагов. Британская разведка назначила награду за его голову, а японцы во время недавней оккупации заочно приговорили Уварова к смерти. Я опасаясь, что его похитили.

Сыщик взял пятерку в числах, сброшенную Чэнь Вэньюем, и соорудил очередную последовательность. Сам же отправил на центр стола южный ветер.

– Вы все время говорите «исчез», «пропал», – задумчиво произнес Мармеладов. – Но люди состоят из плоти и крови, а плоть и кровь не могут просто так раствориться в воздухе.

– А как еще назвать ситуацию? Семь свидетелей наблюдали, как граф входит в трактир, – Максим Владимирович выложил белого дракона, но никто из игроков не потянулся за щедрым подарком. – Однако внутри Уваров так и не появился. Два десятка посетителей заведения клянутся, что граф не переступал порога.

– Клянутся! – фыркнул китаец. – Эти бездельники пили дешевую бормотуху, были изрядно навеселе. Кроме того, все они – маньчжуры.

Последнее слово советник произнес, презрительно облизывая пухлые губы.

– Да! – прогремел генерал. – И это еще один повод им верить. Ведь маньчжур никогда не даст ложной клятвы.

Он кипел от возмущения, и взбесился еще больше, когда взял со стены кость и увидел, что это еще один восточный ветер. Господин Хайпэн выругался и сбросил синий иероглиф на стол.

– Еще один повод им верить... – нараспев протянул сыщик. – А были и другие поводы?

– Конечно. Но вы вряд ли поймете. Пятеро завсегдаев трактира находятся друг с другом в состоянии... Трудно подобрать слова на вашем языке, – старый маньчжур помолчал, размышляя. – Ладно, скажу «кровная вражда», хотя это далеко от истинного положения дел. Трактир – единственное место, где у них относительное перемирие, поэтому там не рвут глотки. Но каждый из них непременно уличил бы соперника во лжи. Если бы Уваров зашел внутрь, и кто-то хотел сей факт скрыть, ему бы не удалось этого сделать.

– Кровная вражда... Дикий народ, – китаец снял со стены нужную кость и улыбнулся, а на кон, не скрывая злорадства, выложил восточный ветер. – Такие дикари вполне могли сговориться и похитить Уварова.

Генерал отвернулся, не желая вступать в дискуссию.

– И что же, стражники поверили на слово и не обыскали трактир снизу доверху? – сыщик сбросил восьмерку бамбуков, нарисованную в виде двух букв «М», сложенных валетом.

Кость эта никого не заинтересовала. А вот одинокую монету, положенную Клейнмихелем, тут же схватил советник.

– Безусловно, стража перевернула все вверх дном, – подтвердил он. – Но графа не нашли. Также не обнаружили следов борьбы, тайного выхода или, извините, трупа. Этот трактир – большой деревянный сруб. В нем нет окон. Единственная дверь ведет в тесные сени, а сразу за ними открывается большой зал с кое-как сбитыми столиками. Подпол и чердак также не имеют окон. Не обнаружено и потайных ходов...

Генерал пригладил длинным ногтем свои растрепанные «гнезда» и проворчал.

– Уверен, все было наоборот. Китайские стражники убили графа в этом проклятом Дуньхуа. А потом выдумали сказку про трактир, чтобы отвести от себя подозрения.

И даже не покосился на толстяка в белом халате, хотя чувствовал, что тот прожигает его взглядом.

– Такой поворот объяснил бы все с точки зрения здравого смысла, – согласился Мармеладов, перехватывая тройку бамбуков, сброшенную китаецем, и добавляя к ней четверку и пятерку. – Не было никакого исчезновения, обычный заговор и попытка пустить следствие по ложному следу.

– Так-то оно так, – Клейнмихель тяжело вздохнул, – да совсем не так. Бегичев сообщает, что своими глазами видел, как Уваров скрылся за дверью, потом раздался его громкий голос: «Сударыня, позвольте, я помогу вам. Обопритесь на мою руку. Осторожнее, здесь ступенька!» Граф выпустил из трактира старуху в заштопанном халате и грубом шерстяном платке. Бабка заковыляла по тропинке через поля, опираясь на клюку. Бегичев со стражниками подождали минут десять, теряя терпение, а потом вошли внутрь. Обнаружив пропажу графа, они допросили всех с пристрастием – подозреваю, что многих при этом крепко отдубасили, – и поскакали в Чаньчунь. Там адъютант отбил мне телеграммы и запил с горя, причем пил эту мутную рисовую водку... Потому сразу потерял ясность мысли, уже третий день валяется в беспамятстве. Говорил я ему, не употребляй, Христа ради, отраву местную! Хорошо еще, что перед запоем он успел подробно доложить о происшествии.

– А Бегичеву вы доверяете? – спросил сыщик, добавляя в кучу сыгранных фишек белого дракона.

– Как самому себе, – Максим Владимирович снял со стены девятку в числах и положил поверх дракона. – Но куда важнее, что Бегичеву безоговорочно доверяет граф Уваров. А он умеет разбираться в людях, уж поверьте.

Слуга в гороховой косоворотке неслышно вошел в комнату.

– Телеграмма для господина Хайпэна!

Голос его был лишен подобострастия, а протягивая золотой поднос генералу, он лишь обозначил поклон. Подобная хамоватая надменность появляется у всех лакеев, долго живущих на чужбине. Хоть в Париже, хоть в Нью-Йорке, хоть в китайской глуши. В Москве, положим,

выгнали бы мерзавца взащей за такое отношение, а здесь ему сходят с рук любые выходки, поскольку русский мужик хоть и обнаглел до крайности, но все же родной человек. Умеет чай заварить «по-нашенски», да побелить молоком, как в детстве нянька делала. Умеет утихомирить хмельную удаль барина словцом хлестким, но честным, на которое и обижаться-то грех, зато потом дотащит до постели, снимет сапоги и накроет овечьим тулупом – утра нынче морозные. А иной раз, чувствуя грусть хозяина, запоет тихонечко: «Из-за острова на стрежень, на просто-о-ор...» Вышибет слезу, стервец, а сам уж чарку подает, до краев налитую. И вот они – господин и слуга, – уже рыдают в обнимку: «Волга, Волга, мать родна-а-ая...» А на душе от этого разливаются мир и покой, словно и впрямь качается она в разошедшей лодчонке на волнах великой русской реки, как дитя в колыбели. За такое все простишь...

Старый маньчжур держал в руке кость, намереваясь сделать ход, но, вчитавшись в короткие строчки, пришел в ярость и зашвырнул фишку в дальний угол. Слуга не шелохнулся. Тянул паузу, пока настойчивое покашливание Максима Владимировича не сдвинуло его с места. Кряхтя и вздыхая напоказ, положил на угол стола кирпичик с восемью синими кругами.

– Забирайте свой виноград, ваша милость.

– Это монеты, – машинально поправил Клейнмихель, хотя мысли его сейчас были заняты совсем другим.

– Да где же тут монеты? – дерзко ответил слуга, но обжегшись о гневный взгляд хозяина, отступил на два шага. – А если даже и монеты... Нечего тут деньгами сорить!

Си Хайпэн, шевеля губами, снова и снова перечитывал телеграмму. Брови его сошлись на переносице, выражая крайнюю степень возмущения.

– Что там? – не выдержал китаец.

Генерал произнес несколько гортанных слов, опомнился и повторил по-русски:

– По моему настоянию всех посетителей трактира допросила военная разведка. Особо упрямым развязывали языки двое суток и вот, наконец, они сознались. Трое работали на японцев во время недавней войны и до сих пор сообщают им ценные сведения. Еще один оказался британским шпионом. А трактирщик регулярно отправляет доклады китайским чиновникам: о чем шепчутся маньчжуры во хмелю.

– И что же, эти люди изменили показания и сознались, что видели графа Уварова? – спросил Мармеладов.

– Нет. Никто не видел графа.

– Выходит, вы зря подвергли их пыткам, – хихикнул китаец. – Разве это метод? Средневековая дикость. Впрочем, чего еще от вас ждать... Поди не один бамбуковый шест обломали, а толку никакого.

Он выложил семерку бамбуков и снова хихикнул.

Старик залился краской.

– Мои люди выявили четверых злодеев, ежедневно вредящих империи! То, что они оказались маньчжурами – позор для моего народа. Для всех нас, от самого бедного пастуха до великой императрицы Цыси⁷.

– О-о-о, нашей светлейшей Цыси к позору не привыкать, – голос советника сделался сладким, как мед, и таким же липким. – Она ведь была не законной супругой императора, а одной из сотен наложниц. И вознеслась так высоко лишь благодаря своему коварству. А теперь эта старая гадюка отравляет не только своих соперниц, но и весь Китай.

– Как вы смеете?! – взвился маньчжур.

– Разве я хоть в чем-то погрешил против истины? – Чэнь Вэньюй разыграл изумление. – Все знают, что императрица Цыси потратила миллионы лян⁸ на празднование своего дня рож-

⁷ Вдовствующая императрица Империи Цин, правившая китайскими землями с 1861 по 1908 гг.

⁸ Китайская серебряная монета.

деня, в то время, как японцы тащили пушки к столице. И потом ей пришлось занимать деньги на войну у проклятых британцев под кабальный процент.

– Мы сражались достойно, не думая о деньгах! Японские псы так и не смогли захватить Мукден, хотя ваш трусливый губернатор готов был сбежать из города куда глаза глядят. Неделю просидел на узлах с пожитками, да и вы вместе с ним, – Си Хайпэн презрительно сплюнул на пол. – А мы изгнали захватчиков со своей земли.

– Но прежде они разграбили несколько провинций, – хмыкнул советник. – К тому же Цыси подписала мирный договор с иностранными державами на невыгодных условиях. Теперь англичане, французы, немцы уничтожают Китай ради своей наживы.

– Спасибо, что не записали в перечень врагов империи меня, – попытался разрядить обстановку Максим Владимирович, – и господина Мармеладова.

– О, нет. Северные соседи несут нам великие культурные ценности, свет и благодать... – китаец скрипнул зубами.

– А на самом деле? – спросил сыщик. – Я убедился, что люди на Востоке удивительно вежливые и никогда не произнесут крамольного слова, чтобы не оскорбить хозяина гостеприимного дома. Но ведь вам ежедневно приносят доклады от трактирщиков, банщиков, извозчиков, уличных разносчиков и прочих агентов. И вы в курсе, кого костерят на улицах и площадях. Так что говорит народ о северных соседях?

– Народ глуп. Его не интересуют великие культурные ценности, свет и благодать. Народ думает только о том, как бы набить свое вечно голодное брюхо. А железная дорога, которую хочет строить господин Кли-мхе-льин, – он споткнулся, набрал побольше воздуха и попробовал снова, – господин Киль-мей-хулин... Эта железная дорога пройдет по плодородным полям и многие деревни останутся без урожая. Извозчики, которые сейчас зарабатывают мелкие монеты в северных провинциях, с первым же паровозным гудком лишатся последних медяков...

– В России было то же самое, – отмахнулся чиновник железнодорожного ведомства. – Но сейчас у нас хватает работы и извозчикам, и паровозам.

– Значит, русский народ более терпелив. А у нас в деревнях уже появились странные проповедники, которые призывают убивать христиан... Они находят много симпатии в школах кулачных бойцов, которые уже готовы создавать отряды для наведения порядка. Так они это называют.

– Но вы же понимаете, что несколько выживших из ума кликуш не сумеют поднять целую провинцию на восстание, – Клейнмихель проигнорировал выложенный сыщиком северный ветер, сбросил в свою очередь семерку бамбуков. – Разве китайская пословица не учит оптимизму? Всегда смотри на вещи со светлой стороны, а если таковых нет – натирай темные, пока не заблестят.

– Хотелось бы верить. Но другая пословица гласит: несчастье входит лишь в ту дверь, которую ему открыли. А наша императрица распахнула ворота так широко, что...

– Хватит! – не выдержал маньчжур. – Произнесите еще хоть одно слово, порочащее светлейшую Цыси, и я...

Закончить угрозу он не успел. На пороге комнаты снова возник слуга в косоворотке и объявил:

– Телеграмма для господина Веньюя!

Советник старался не выдать волнения, но пальцы дрожали слишком заметно. Он положил бумажный квадратик на стол, прочел дважды, трижды – нет ли какой ошибки, – и вздохнул.

– Как ни прискорбно, господа, но проверка с пристрастием выявила предателей среди китайских стражников.

– Хых! – генерал впервые за вечер улыбнулся. – С пристрастием? А еще говорили, что пытки – не метод.

– Увы, увы... Двое копыеносцев, сопровождавших графа, подрядились за щедрую мзду похитить господина Уварова той ночью и передать в руки британской разведки.

– Хых! – маньчжур сбросил западный ветер. – В горном Тибете шагу нельзя ступить, чтобы не вляпаться в дерьмо яка. А у нас тут куда ни ткнишь, сплошные лазутчики!

– Ну а чего вы хотели? – пожал плечами Клейнмихель. – То, что пушки молчат, не должно никого вводить в заблуждение. Война теней продолжается и в мирное время.

Китаец мелко закивал, взял со стены кость и тут же позабыл о проблемах – насущных и грядущих. Показал всем одинокую монету, добавил фишку к трем таким же, давно открытым. От радости он готов был пуститься в пляс, ведь эта комбинация приносила много очков. Маньчжур снова нахмурился, а Максим Владимирович шепнул:

– Везет дураку!

Но сказал это в сторону, чтоб услышал только Мармеладов.

Советник тем временем взял дополнительную кость с самого дальнего края крепостной стены и сбросил на стол. Это была девятка бамбуков. Сыщик протянул к ней руку, но на полпути замер.

– Простите, господин Вэньюй, – повернулся он к китайцу, – а этот ваш копыеносец... Он что же, изменил показания и сознался в похищении графа?

– Нет. По-прежнему утверждает, что тот открыл дверь трактира и немедленно исчез.

– Тогда нам остается поверить в самое невероятное.

– В злых духов? – забренчал амулетами генерал.

– Нет. В то, что Уваров растворился в воздухе.

– Но это же невозможно, – побледнел Клейнмихель. – Родион Романович, вы сами отрицали... Плоть и кровь... Не могут исчезнуть бесследно... Господи, кто из нас сошел с ума?!

Сыщик отодвинул стул и прошелся по комнате. Три шага вперед и столько же назад.

– Успокойтесь, Максим Владимирович. Мы все в здравом уме, в твердой памяти. Но граф Уваров перехитрил нас, а заодно и шпионов всех спящих здесь разведок.

– Но как? Я не понимаю, как он это сделал?!

– Гениально, а вместе с тем на удивление просто. Тем вечером граф заподозрил, что в его свите есть шпион, а может даже и не один. Не знаю, по каким признакам вычислил, но вы сами говорили: Уваров умеет разбираться в людях. Рисковать нельзя. Ночь надвигается. В любую минуту шпионы могут выкрасть донесение, а то и перебить всех – и графа, и верных ему стражников. Поэтому он принял решение спрятаться. Трактир использовал лишь как повод спешиться, вряд ли разумный человек верит свою жизнь и безопасность в руки незнакомцев из придорожного кабака. Загляните в любой из них, там сплошь подозрительные рожи... Но трактир давал прекрасную возможность разыграть представление. Граф распахнул дверь, спрятался от стражи и Бегичева за тяжелой створкой, молниеносно переоделся – это не трудно при должной сноровке. Накинул заштопанный халат, повязал платок. И вышел из-за этой двери в образе сторбленной бабки, ковыляя и опираясь на клюку. Не вы ли, господин Клейнмихель предупреждали, что на Востоке нельзя судить по внешнему виду?! Но никто из ваших дознавателей не удосужился спросить у завсегдаев трактира: была ли среди них старуха? А ведь разгадка всегда маячила перед носом.

Три вопроса слились в один:

– Но откуда граф взял халат?

– И шерстяной платок?

– И клюку?

– Хороший разведчик... В смысле, человек, выполняющий поручения деликатного свойства, – Мармеладов подмигнул чиновнику железнодорожного ведомства, – всегда продумывает

план побега заранее, на случай возможного провала. Не удивлюсь, если изнанка плаща Уварова нарочно сделана из грубой ткани с заплатками. Вывернешь – вот и халат. А платок он наматывал вокруг пояса, вместо кушака. С клюкой же просто повезло – забрал жердь, подпиравшую дверь трактира от ветра.

– Но если так... Почему граф не посвятил в свой план адъютанта? – недоумевал Клейнмихель. – Убивается ведь парнишка, горькую пьет. Неужели он и Бегичева подозревал?

– Ни в коем случае. Но графу было нужно, чтобы стражники-шпионы увидели истинную реакцию Бегичева – гнев, панику, неподдельное горе. Чтобы поверили в таинственное исчезновение и ломали головы, куда подевался Уваров. Иначе они могли бы помчаться в погоню за старушкой, верхом быстро бы настигли... Граф же хотел выиграть время. Пока китайцы переворачивали трактир, а потом толпы дознавателей рыскали по округе, заглядывая в каждую нору, мнимая старушка под покровом ночи шагала на юг.

– Но на юге только деревушка Яньци, – советник закрыл глаза, представляя карту провинции. – Зачем графу соваться в эту беспросветную глушь?

– По двум причинам, – сыщик загнул пальцы. – Во-первых, потому что беспросветная, и во-вторых, потому что глушь. В этом направлении искать беглеца никто бы не стал. А граф, скорее всего, утром купил там лошадь, или, еще вернее – поехал на перекладных, чтобы не привлекать к своей персоне излишнего внимания. Таким образом за сутки можно добраться до Владивостока. По моим расчетам граф уже передал донесение по штабным каналам, и прямо сейчас отправляет телеграмму в Мукден, чтобы всех вас успокоить... Однако, мы забыли про игру.

Мармеладов взял девятку бамбуков, сброшенную китайцем. Добавил к ней свою последнюю кость и положил поверх последовательностей.

– Маджонг, господи.

Брови старого генерала от постоянного изумления уползли уже на макушку.

– Но эти последовательности... Они ведь вообще ничего не стоят.

– Мы заплатим вам сущие гроши, – впервые за весь день, а может и за всю историю Азии, китаец согласился с маньчжуром. – Вы ничего не заработаете на такой победе.

– Кроме самой победы, – улыбнулся сыщик.

Генерал и советник встали со своих мест и низко поклонились.

– Похоже, нам преподали хороший урок, господи! – Максим Владимирович отошел к столу с закусками и захрустел огурцом. – Прежде всего, надлежит думать не о выгоде, а о победе. Пока мы с вами собирали красивые и богатые комбинации, господин Мармеладов обыграл нас на мизере. Не желаете выпить посошок, Родион Романович?

– Нет, благодарю покорно. Мне пора ехать дальше. Хочу поскорее добраться до Москвы.

Сыщик придержал створку двери, пропуская в комнату слугу в косоворотке. Тот потерял где-то на лестнице золотой поднос и все свое высокомерие, вбежал с горящими глазами, сжимая в кулаке казенный бланк.

– Телеграмма из Владивостока! – кричал он, не помня себя от счастья. – От графа Уварова! Живой! Живо-о-ой!

Мармеладов нахлобучил на голову черную шляпу, попытался отогнуть поля вниз – безуспешно, как и всегда, – и медленно закрыл за собой дверь.

Смерть под балдахином

Ветвь гранатового дерева склонялась к земле под тяжестью созревающих плодов. Они краснели как обиженные гимназисты – багровые пятна расплзались по нежно-розовой коже надутых щек, конопатых от поцелуев раскаленного персидского солнца. Ветер потерялся боками о ледяные вершины мазендаранских⁹ гор, пролетел сотню верст за считанные минуты, чтобы успеть донести до Тегерана хоть чуточку прохлады, но все напрасно: в этот полуденный час он обжигал сильнее, чем дыхание злого демона Биварасба¹⁰.

Двое солдат сели прямо на землю, привалившись спинами к шершавому стволу дерева. Пыльные мундиры давно нуждались в чистке, а стоптанные сапоги просили, и даже уже требовали каши. Бороды угрюмо топорщились из-под угольно-черных фесок, надвинутых до самых глаз. Третий с почтительным поклоном протянул флягу с водой командиру, стоящему поодаль. Тот отвернулся, взглядывая в далекий горизонт, и наполовину вытащил саблю из ножен. Враг близко! Но офицеру храбрости не занимать, любой неприятель убедится в этом, увидев его гордо поднятую голову, обмотанную широким бинтом, и запекшуюся струйку крови на правом виске.

– Отлично! Вот так вполне естественно, – фотограф в белоснежном костюме вынырнул из-под шлейфа, приколотого к диковинному аппарату на треноге. – А ну-ка замрите... Раз, два, три!

Громкий щелчок расколдовал застывшие фигуры. Офицер, жадно ухая, выпустил из руки саблю и схватил фляжку. Тяжелый эфес тут же перевесил, клинок выскользнул из ножен, глухо звякнув в пыли, но никто не обратил на это внимания. Солдаты столпились вокруг командира, складывая ладони лодочкой, умоляя оставить им хотя бы по глоточку солоновато-мутной воды. Фотограф хмыкнул и прикрыл седые кудри соломенной шляпой.

– Отчего же без привычного «Улыбнитесь, сейчас вылетит птичка»? – раздался насмешливый голос за его спиной. – А, господин Севрюгин?

Со стороны дворцовой площади неслышно подошел человек лет пятидесяти, одетый по западной моде – узкие брюки, рубаха из белого хлопка, строгий жилет с синей искрой. В таком наряде большинство прохожих на улицах Тегерана чувствовали бы себя неуютно сразу по двум причинам: из-за несусветной жары и неодобрительных взглядов. На Востоке долго помнят обиды, а последняя война с англичанами отгремела недавно, по здешним меркам. Всего-то сорок лет назад. Да и была ли та война последней? Британцы все время что-то затевают по соседству – в Индии, в Афганистане. За это их и не любят. А заодно и французов, и немцев, и вообще всех европейцев. К русским относятся получше, но ведь в паспорт заглядывать никто не станет, пырнут ножом в темном переулке, а кровь у всех народов одного цвета. Не спасет прохожего даже чалма, повязанная на бухарский манер, со свисающими до плеч хвостами.

Однако этого господина не смущали ни угрожающее шипение из подворотен, ни изнуряющий зной. Впрочем, в угоду последнему, он все же снял бархатный сюртук и нес на сгибе локтя.

– А вот и вы, мой друг! – фотограф поспешил навстречу, раскинув руки для радушных объятий. – С прибытием, господин Мармеладов. Насчет птички верно подмечено. На здешних басурманов наши московские уловки не действуют. Персы на всех портретах хмурятся, потому что улыбка здесь считается уделом дураков и неудачников. А солидным мужчинам она не к лицу.

---

⁹ Мазендаран – северная провинция Ирана.

¹⁰ В персидской мифологии – злой дух, заточенный в спящем вулкане.

– Колоритные персонажи, – Мармеладов с живейшим интересом наблюдал как солдаты, крича и пинаясь, отнимают друг у друга пустую фляжку, чтобы убедиться, что в ней больше не осталось ни капли. – Они что же, и впрямь побывали в бою? Я что-то не заметил неприятельских армий на подступах к городу.

– Что вы, что вы... Это провинившиеся, из пехотного корпуса. Всем назначили по тридцать плетей – один заснул на посту, двое других оскорбляли командира.

– Этого, что ли? – сыщик кивнул на офицера, который пытался вложить саблю в ножны дрожащими руками, но все никак не попадал.

– Нет, бригадного генерала. А этот молодчик из низших чинов, его прислали с гауптвахты. Подрался с приятелем, не поделив выигрыш в нарды. Потому, собственно, и голова перевязана. Ко мне их направляют по личному распоряжению садразама¹¹, да продлит Господь его жизнь.

– На исправление?

– На экзекуцию, – ухмыльнулся Севрюгин. – Я задумал серию фотографий для выставки в Брюсселе. С персидским колоритом. Но никто... Представляете? Никто не желает добровольно позировать, когда солнце в зените. А мне-то необходимо правильное освещение, чтобы лучи подчеркивали контуры и пронизывали листву... Посетовал во дворце на свою беду, и ко мне прислали этих негодников. Для них, ясное дело, провести час-другой на солнцепеке куда милее, чем хрипеть и дергаться под ударами палача, да потом еще месяцами раны залечивать. Я тоже свою выгоду получил: для композиции требовались как раз такие солдаты – усталые, помятые, изможденные.

– Снимаете батальную сцену?

Фотограф покачал головой.

– Напротив, я стремился запечатлеть мирную и спокойную красоту гранатового дерева. Мундиры – лишь для контраста... Все, голубчики! Расходитесь! Ох, да что же это я... Привык, что шах и придворные довольно сносно болтают по-нашему, ведь Россия осталась единственным союзником Персии. А эти по-русски ни бельмеса!

Севрюгин повторил то же самое на фарси, отпуская военных повелительным взмахом руки. Те низко поклонились и поспешили вниз по горбатой улочке.

– Сколько же мы не виделись, Родион Романович? Дайте подумать... Лет пятнадцать?

– Двадцать. С тех самых пор, как летом 1875 года вы пытались убедить главного редактора «Московских ведомостей», что фотографии можно и нужно печатать на каждой газетной странице. А господин Катков говорил: «Дурная затея! На эту картинку надобно в три раза больше краски, чем на текст. Опять же, вы гонорар потрете. А станет читатель платить лишние копейки за иллюстрированный номер? Не станет. Вылетим в трубу...»

– Да-да! Я до сих пор помню его снисходительную ухмылку. А кто в итоге оказался прав? – Севрюгин ткнул себя пальцем в грудь. – Сейчас уже даже самые паршивые бульварные листки лепят портреты и фотохронику. Катков мог стать пионером, новатором, кабы не вечная прижимистость...

– Но с другой стороны, Антон Васильевич, не откажи вам Катков... Судьба могла сложиться не так удачно. Вы же сразу уехали в Персию?

– Уехал, мой друг, уехал. Не от досады, хотя многие именно так восприняли... Но нет. Один немецкий музей заказал мне фотографии куба Заратустры в Накше-Рустам. Я отправился к гробницам древних царей с верным товарищем, – он похлопал аппарат по лакированному боку, – меня тут же арестовали, обвинили в шпионаже и потащили в суд. Дело дошло до шаха Насреддина и он, увидев камеру, потребовал показать, как работает «бесовская штука». Я сделал три снимка владыки у подножия Павлинъего трона, и они были при-

---

¹¹ Этот титул присваивался великому визирию – первому советнику шаха.

няты благосклонно. С тех пор Его Величество буквально заболел фотографией. Выписал себе дюжину заграничных аппаратов, перещелкал всех придворных, стражников, конных гвардейцев, сокольничих, евнухов, сотню женщин из своего гарема... Правда, фотографии последних он не показывает, на то существует строгий запрет и даже друзьям, – а я, после стольких лет общения, смело могу называть себя другом шаха, – не положено видеть лиц наложниц. Зато портреты свои Насреддин доверяет снимать только мне. Фотоателье, которое я открыл на соседней улице, приносит неплохой доход. Я здесь женился, у меня семеро чудесных детей... Вы правы, грех роптать на судьбу.

Сеvрюгин схлопнул черную гармошку камеры, сложил треножник и прислонил аппарат к гранатовому дереву.

– Я сказал вам давеча «наши московские уловки», но знаете... Все московское уже давно не мое. Да, я прожил там долгие годы, но детство мое прошло на персидской земле, – в то время мой отец служил консулом в Тегеране. Я родился здесь, в этом самом доме. На следующий день посадили это гранатовое дерево. Оно чуть младше меня, а вон какое вымахало, – фотограф бережно погладил потрескавшуюся кору. – Это дерево, этот город, это жаркое солнце наполняют меня удивительной жизненной силой. Сумел бы я в Москве вот так, запросто, пройтись колесом?!

И кувыркнулся вбок, как заправский акробат или бесшабашный мальчишка, но этого показалось мало – он еще и стойку на руках сделал, подергав ногами на весу. Потом поднял шляпу, отряхнул и водрузил на макушку.

– Мне уже за шестьдесят, Родион Романович, – фотограф слегка запыхался от проделанных упражнений, – но здесь я молод душой и, пожалуй, смогу прожить до ста лет. Когда же закончится отмеренный мне Богом срок, я хочу умереть под этим самым деревом, в окружении внуков и правнуков... Ох, чего это я о смерти? Не накликать бы... Пойдемте-ка лучше в дом, я угощу вас соловьиными гнездами.

– Гнезда? В Китае мне довелось попробовать суп из ласточкиных гнезд, – Мармеладов вздрогнул, вспоминая странный деликатес. – Признаюсь вам как на духу: гадость редкостная, а дерут за нее втридорога.

– Нет, нет! Стал бы я предлагать нечто подобное дорогому гостю? Это пахлава так называется. Восточная сладость. Пойдемте, выпьем вина. Отдохнете с дороги. Вы ведь, наверняка, устали... Как добрались до наших мест? Без приключений?

– Совсем без приключений не получилось.

– Ну, вот обо всем и расскажете!

* * *

Душный день сменила душная ночь.

Мармеладов ворочался на шелковых подушках, но уснуть не удавалось. Коварный злодей украл покрывало крепкого и спокойного сна, оставив на месте преступления лишь россыпь тревожного забытья и пару мелких кошмаров. По этим уликам сыщик довольно быстро установил, что во всем виновато вино из турецких фиг, которое они с Сеvрюгиным пили за обедом. И за ужином. И в коротком промежутке между обедом и ужином. И еще немного, прежде чем разойтись по спальням. Сладкое и ароматное вино совсем не опьяняло. Даже после третьего кувшина голова оставалась ясной, язык не заплетался, потому они долго беседовали о чудесах и диковинках Востока. Но ровно в полночь ангельский нектар превратился в дурман, наполнил внутренности битым стеклом и ассамским перцем. Сквозь прикрытые веки пробивались всполохи костров, сжигающих разум. В ушах раздавался прерывистый стук.

А может вино ни при чем? Иной раз улики уводят по неверному пути... Мармеладов ненавидел, когда кто-либо обвинял невиновных и сам не собирался этого делать. Он попы-

тался вспомнить, какие блюда подавали к столу, но не смог отыскать иных подозреваемых. Разве что... После ужина принесли странный десерт – сморщенные темно-коричневые плоды, покрытые едва заметным белесым налетом.

– Что это? – спросил он.

– Мед, – ответил Севрюгин.

– Мед?

– Даже лучше меда. Это хурма, вяленная на солнце.

Сыщик долго не решался укусить, но когда попробовал – ммммм! На вкус эти липкие, вязкие комочки и впрямь были лучше меда. Неужели в них таился яд? Вздор! Зачем фотографу травить старого приятеля? В этом нет никакого смысла. Просто не стоило объедаться...

Мармеладов поднялся с постели, тяжело дыша, налил в пиалу теплой воды и выпил. Жжение в животе утихло, но стук в ушах не прекратился. Вот, опять: тук-тук-тук.

Постойте, да ведь это в дверь стучат. Кого принесла нелегкая в столь поздний час?

На пороге стоял казак в красной черкеске и белой папахе. О-го-го! А вино-то, оказывается, занятые видения вызывает. Или это мираж, как в пустыне? Сыщик трижды сморгнул. Казак, вопреки ожиданиям, не исчез. Он затараторил, дыша чесноком и махоркой:

– Разрешите представиться, ваш-бродь! Ерофей Рудаков, урядник отдельной персидской казачьей бригады. Собирайтесь, требуется ваша помощь.

– Кому? Что стряслось? – недоумевал сыщик. – И откуда в Персии казачья бригада?

– Все вопросы потом. Вас ждут во дворце.

– Во дворце? – нет, это все-таки сон или бред. – У шаха Насреддина?

– Да, да! Дело не терпит промедления. Вы ездите верхом? Я привел скакуна, он хотя и быстрый, но с норовом. Справитесь?

– Разумеется, – Мармеладов уже застегивал пуговицы жилета. – Но мне надо предупредить хозяина дома о своем внезапном исчезновении.

– Господин Севрюгин уже во дворце. Там какая-то беда случилась, но нас в подробности не посвящают. Одно знаю: надо спешить!

Через четверть часа сумасшедшей гонки сыщик окончательно протрезвел. Стражники увидели всадников издали и распахнули перед ними ворота. Рудаков, не сбавляя скорости, свернул направо, поскакал мимо черного пруда, в котором тонули бессчетные алмазы звезд и лунный серп из чистого золота, мимо дворца с расписными колоннами, мимо кипарисовой рощи. Остановился возле узкой лестницы, змеей вползающей на вершину холма, к изящному дому с восьмиугольными башенками по углам. Здесь нетерпеливо прохаживались казаки в таких же красных черкесках, и с ними один в белом бешмете.

– Доставил, ваш-бродь! – отрапортовал урядник, повернулся к Мармеладову и зашептал. – Это полковник Ляхов, командующий отдельной...

– Быстрее не мог? – рявкнул полковник и, не слушая оправданий, набросился на сыщика. – А вы чего сидите? К седлу приросли? Хлопцы, ну-ка стащите его!

Мармеладов ловко увернулся от протянутых рук, спрыгнул на землю и двинулся на буяна, словно желая пройти сквозь него.

– Столь вопиющая грубость обычно присуща унтер-офицерам, а высшие чины совсем не красит. Но я прощаю вас, поскольку вижу, что эта грубость вызвана неумным волнением. Во дворце произошло нечто ужасное. Убийство... Никак не меньше. Иначе, зачем бы посреди ночи внезапно понадобился сыщик?! Убийство в доме, который вам поручено охранять... Это серьезный удар по репутации, ведь вы давно мечтаете стать генералом, уже и кушак себе купили позолоченный. А за недосмотр могут в рядовые разжаловать. Ситуация вас одновременно злит и пугает. Повторяю: я могу это понять и простить, но прошу вас сменить тон и впредь держаться в рамках приличий.

Под напором сыщика полковнику пришлось отступить на пару шагов.

– Прошу извинить мою несдержанность, – процедил Ляхов и, не прибавив ни слова, зашагал вверх по ступенькам.

Догнать его удалось лишь на середине лестницы.

– Удовлетворите мое любопытство. Откуда в Персии взялись русские казаки?

– Долгая история, – все еще сквозь зубы.

– Я никуда не спешу, – Мармеладов остановился.

– Нет, вы спешите! Вы очень даже спешите! Там, – казак махнул рукой на особняк с башнями, – вас ждет человек, который сроду не привык никого ждать. И ежели я не доставлю вас как можно скорее, то наживу изрядные неприятности. Будто их и так мало!

– Тогда в ваших интересах ответить на один-единственный вопрос, – сыщик не допускал в голос презрения или бахвальства, но тон его оставался жестким. – После этого я помчусь наверх, перепрыгивая через две ступеньки. В противном случае вся королевская конница не сдвинет меня с места.

– Да чтоб вас...

Полковник задохнулся от гнева и потянулся, чтобы силой втащить упряма наверх, но в последний момент передумал.

– Ладно. К чертовой матери! Слушайте... Лет десять назад, шах Насреддин приезжал в гости к нашему императору. По этому случаю устроили смотр войск, а на плацу самое интересное что? – он горделиво приосанился. – Казачья джигитовка! Наши лучшие наездники показали высший класс. Перепрыгивали с одной лошади на другую. Поднимали с земли на всем скаку кисеты с табаком, платки и золотые червонцы. Причем не только руками, но и зубами, для пущего эффекта. А уж когда шашки засверкали, выписывая восьмерки, шах не выдержал. Он умолял императора прислать казачьих инструкторов, чтобы и его кавалерию выучили таким приемам. Через месяц мы прибыли в Тегеран. А потом сюда потянулись казаки с Кубани и Терека, наниматься на полное довольствие. Из них сформировали русскую сотню. Еще триста сабель в бригаде – местные наездники. Казаки патрулируют внутренний периметр дворца, охраняют резиденцию шаха – видите тот большой купол за деревьями? – дома наследного принца и великого визиря, а также банки, иностранные миссии, особняки остандаров¹². Иногда приходится сопровождать караваны или доставлять особо важные депеши... Вот такие пироги. Идемте наверх! Тут до крыльца всего-то пять шагов осталось. А дальше вас проводит этот служивый.

Ляхов отдал короткий приказ на фарси высокому стражнику, одетому в черное, лицо которого скрывала полоска ткани, замотанная до самых глаз.

– Идите за ним. Позвольте предупредить: этому молодцу вопросы задавать бесполезно. Не ответит. Ассасины, личные телохранители шаха, присягают на верность, а после откусывают язык и выплевывают к ногам владыки. Поэтому беседовать с этими чертями не о чем. Да они, обычно, и не тратят время на разговоры, сразу...

Полковник чиркнул ногтем большого пальца по кадыку, засмеялся и направился вниз по лестнице.

* * *

Безмолвный ассасин выделялся черным пятном на фоне великолепного убранства дворцовых покоев. Мозаичный пол создавал иллюзию, будто под ногами проплывают облака, на которых растут цветы, а рядом летают сказочные жар-птицы. Посмотришь вниз хотя бы десять секунд, и голова закружится от ощущения невыносимой высоты. Стены украшены рубинами, изумрудами, аметистами и другими драгоценными камнями, названия которых Мар-

---

¹² Остандар – наместник шаха в провинции, вроде губернатора, но с куда меньшими полномочиями.

меладов попросту не знал. Даже сейчас они переливались и поблескивали, хотя света трех люстр не хватало для настоящего волшебства. Но когда в зал входит солнце, спотыкаясь о витражи в гигантских окнах, самоцветы наполняются неземным сиянием. В этом райском чертоге людям королевской крови легко поверить, что они во всем равны богам.

За одним важным исключением – боги бессмертны.

Фотограф поджидал на втором этаже.

– А вот и вы, мой друг! – воскликнул он.

Сыщик отметил, что приятель обрадовался их встрече гораздо сильнее, чем вчера, и не преминул высказать это вслух.

– Хотя прежде мы не виделись двадцать лет, а теперь – лишь пару часов. Стало быть, и впрямь случилось нечто ужасное. Убили кого-то из королевской семьи?

– Вы совершенно правы, Родион Романович! Наследный принц Али-Мирза... – Севрюгин глубоко вздохнул, чтобы не зарыдать, – отравлен в своей опочивальне.

Он толкнул дверь, скрытую за парчовой драпировкой, посторонился, пропуская Мармеладова. И это всего лишь спальня? Здесь с комфортом разместится на ночлег пресловутая казачья сотня, причем вместе со всеми лошадьми и походными кибитками. Да только кто же их пустит? Эти хамы потопчут роскошный ковер, нарочно постеленный на пол, чтобы скрадывать шаги слуг и не будить принца раньше полудня. А от дыма казачьих трубок потускнеет горный хрусталь на потолке. Нет уж, посторонним вход в эти покои заказан!

Сыщик огляделся по сторонам. Окон нет. Стены покрыты розовым мрамором, который дарит приятную прохладу даже в адскую жару. В центре спальни – ложе под золотым балдахинном. Он и впрямь золотой, сплетен из миниатюрных колец, мелодично звякнувших, стоило Мармеладову откинуть полог.

У кровати стоял высокий мужчина в зеленом адрясе¹³. Сыщик на мгновение задумался, вспоминая галерею в ателье – Севрюгин развесил портреты влиятельных лиц Персии, которых доводилось фотографировать. Таким образом, он одновременно повышал собственный статус – что на Востоке, зачастую, важнее любых богатств, – и цену снимков. «Ни один уважающий себя перс не пожалеет пары лишних туманов¹⁴ за работу придворного мастера...» Большую часть похвалы старика можно пропустить. А что он говорил дальше? Указывая на этого человека? «Коварный, как тысяча чертей, да к тому же пожрать не дурак...» Пожалуй, тоже опустим, хотя про коварство стоит принять к сведению. Ага, вот оно: «...великий визирь Азугар-хан».

По фотографии Мармеладов опознал и убитого. Али-Мирза носил усы. Не такие пышные, как у отца, но справедливости ради стоит отметить, что у Насреддина было больше тридцати лет форы. Пышные усы шаха занимали пол лица, вздымались как девятый вал на известной картине, они повергали в благоговейный трепет верноподданных и до одури пугали врагов персидского престола. У наследника же растительность была довольно хлипкой, хватало лишь на небольшие завитки, подкрученные вверх. Сейчас они безжизненно повисли, а в уголках губ принца скопилась лиловая пена.

– Его Высочество отравлен. Мой личный лекарь осмотрел тело и пришел к выводу, что яд вызвал затрудненное дыхание, спазмы в горле и паралич сердца, от которого умер принц, – садразам говорил по-русски бегло, но с таким гортанным акцентом, что половину слов невозможно было разобрать. – Джабар изучает еду и питье, чтобы установить, куда именно подмешали проклятое зелье.

Азугар-хан кивнул в дальний угол спальни. Против ожидания, доктор не был похож на сморщенный гриб с крючковатым носом, какими предстают придворные алхимики и звез-

---

¹³ Восточная полушелковая ткань с узорами, а также название халатов, которые шили из этой ткани.

¹⁴ Персидская золотая монета.

дочеты в «Тысяче и одной ночи». Дородный детина в шелковых перчатках разрезал пополам персики, груши и даже виноградины, обнюхивал их, а после бросал в фарфоровую вазу все, что не вызвало подозрений. Остальные фрукты протягивал слугам. Те покорно ели. Судя по раздражению лекаря, отыскать отраву пока не удалось.

– Обычно Его Высочество живет в собственном дворце в Табризе, – продолжал визирь, – но это лето выдалось слишком жарким, и Али-Мирза приехал к отцу, погостить. С ним приехали слуги, повара, любимые наложницы... Лишь охранников для принца подбирал я. Именно поэтому они первым делом поспешили ко мне. Шах Насреддин, да ниспошлет ему Аллах все блага земные, спит и не знает о гибели сына. К восходу солнца мы должны принести повелителю голову убийцы.

Он не стал добавлять «иначе» и многозначительно умолкать, как это сделал бы любой вельможа в Санкт-Петербурге. И не потому, что на Востоке не любят драматичных пауз, о нет – их любят и постоянно используют все: менялы на рынке, погонщики верблюдов, почтенные муллы и недостойные свахи, бедняки, богачи, дети и седые старцы, и даже сам великий визирь в иных ситуациях. Но сейчас никто даже помыслить не мог, что возможно какое-нибудь «иначе».

Лекарь разразился витиеватыми проклятиями, потом подполз на коленях к Азугар-хану и жалобно заголосил по-персидски.

– Что он говорит? – спросил сыщик у Севрюгина.

– Вкратце... Джабар ничего не нашел, вообще ни крупинки яда, – перевел фотограф, отбрасывая причудливые арабески, которыми жители Востока украшают свою речь. – Он проверил воду, гранатовый сок и апельсиновый щербет, проверил каждую ягодку и даже масло в светильниках. Хотя последнее, на мой взгляд, лишнее. Если бы принца убили отравленным дымом, то пострадали бы и все прочие, находившиеся в опочивальне.

– А здесь был кто-то еще? – удивился Мармеладов.

– Безусловно! Августейшим особам и в России, и в Европе редко удается остаться в полном одиночестве, что уж говорить о восточных правителях с их неистребимой подозрительностью. Али-Мирза требовал, чтобы его покой охраняли четверо ассасинов – по одному в каждом углу комнаты. Кроме того, в спальне постоянно дежурили слуги, ведь эти изнеженные корольки, – тут Севрюгин понизил голос до еле слышного шепота, – не умеют даже подтереть задницу самостоятельно...

– То есть в момент убийства в спальне ошивалась целая банда! Четверо телохранителей, плюс, – сыщик пересчитал пальцем, – трое слуг.

– А еще евнух и наложница, – добавил фотограф.

– Надо же... И как принц умудрялся засыпать посреди такой толпы?! Подозреваемых допросили?

– Вот в этом, мой друг, главная загвоздка. Мы установили совершенно точно, что за десять минут до полуночи к Али-Мирзе привели наложницу и в тот момент он был еще жив. Звуки, доносившиеся из-под балдахина – весьма характерные звуки, если вы меня понимаете, – не позволяют в этом усомниться. Примерно полчаса спустя евнух увел девушку обратно в гарем. Слуги наблюдали за балдахином, не шевельнется ли. Принц любил, чтобы к нему бросались со всех ног, стоит только рукой взмахнуть, а если сразу не прибежали, и приходилось звонить в колокольчик – дрожал от ярости. Тогда нерасторопных лакеев били палками... Но я отвлекся. Важно, что слуги клянутся: не видели даже малейшего движения. Еще через десять минут заволновались ассасины, поскольку принц не храпел.

– А обычно храпел? – уточнил сыщик.

– Обычно от его благословенного храпа дрожали стены и сотрясались колонны, – усмехнулся Севрюгин, но тут же посерьезнел вновь. – А тут – тишина. Охранники долго не решались заглянуть под балдахин. Оно и понятно, ведь если Али-Мирза не спит, то подобное любопыт-

ство граничит с оскорблением Его Высочества, и аукнется смертной казнью. Потом начальник караула принял гениальное решение и острием сабли подтолкнул к ложу одного из слуг. Тот осторожно потянул полог и тут же отпрыгнул с воплями... Двое ассасинов поспешили на женскую половину, чтобы скрутить наложницу – она подходила к принцу ближе всех, значит первая подозреваемая. Но по пути к гарему, в темном коридоре, нашли труп евнуха. Ему вонзили кинжал в спину. Тонкое лезвие, легко спрятать в рукаве или высокой прическе.

– А убийцы и след простыл, – подытожил Мармеладов.

– Да куда бы она сбежала? Здесь за каждой занавеской таится стражник, а выходы стерегут, как зеницу ока.

– Зеницу... Ока...

– Что с вами, Родион Романович?

– Ничего, мелькнула мысль... Продолжайте.

– Хитрая bestия зарезала единственного свидетеля, ведь кроме евнуха никто не мог опознать какую из наложниц велел привести Али-Мирза этой ночью. У них нет распорядка, все зависит от похоти... Простите, оговорился. Зависит от прихоти принца. А лицо девка прятала от посторонних глаз под чадрой, как велит обычай.

– Но разве соседки по гарему не могут на нее указать?

– Каждая из них с превеликой радостью оговорит всех остальных. Отправит на казнь любую из соперниц, да при том еще и расцелует на прощание, – старый фотограф прищурился и вытянул губы уточкой. – Они все – дочери Иуды! Клубок змей, ревнивых и жестоких. Верить им на слово нельзя. К тому же, общая спальня разделена ширмами на небольшие комнатки, так что видеть друг друга женщины не могут. Ассасины пересчитали наложниц – все девять на месте! – посадили под замок и разбудили великого визиря, чтобы тот разобрался, что к чему. Азугар-хан немедленно послал за мной. Он... Знаете, возможно, я скажу лишнее, но у него в последнее время не ладятся отношения с Насреддином. А тут такое... Садразам рассудил, что будет лучше заручиться поддержкой человека, которому шах всецело доверяет. В случае чего, я смогу подтвердить, что визирь сделал все возможное и невозможное для поимки преступницы.

– А вы, Антон Васильевич, в свою очередь, послали за мной.

– Конечно! Здесь явно видится перст судьбы. Само провидение привело лучшего московского сыщика в Тегеран в эту зловещую ночь. Вы должны их спасти!

– Кого? – недоуменно поднял брови Мармеладов.

– Наложниц. Хоть они и гадюки, однако, смерти не заслужили. А если к рассвету мы не опознаем убийцу, шах прикажет отрубить головы всему гарему, – Севрюгин утер пот со лба и этой же рукой перекрестился. – Погибнет и отравительница, и восемь неповинных женщин.

Услышав последние слова, великий визирь пинком отбросил в сторону скулящего доктора и, дрожа от возмущения, закричал:

– Вам жалко этих куриц?! А меня куда сильнее беспокоит обострение международной обстановки после казни. В мире и так неспокойно, мы сидим на пороховой бочке, одна искра – и полыхнет. А про этот случай непременно напишут газеты. Во-первых, массовых казней у нас не было давным-давно. Уже года три. Во-вторых, половина гарема – иностранки, и это очень неприятный момент.

– Иностранки? – присвистнул сыщик. – У вас что же, до сих пор торгуют рабынями на невольничьих рынках? И вы опасаетесь, что об этом станет известно?

Азугар-хан оскорбленно засопел:

– О, вечные предрассудки! Почему европейцы так уверены, что на Востоке живут дикари, увязшие по самые уши в верблюжьем навозе? Наша цивилизация на тысячи лет древнее Европы! – он выдохнул, вроде бы успокаиваясь, но на самом деле набирая воздух для новой тирады. – Нет, мы не торгуем людьми, в отличие от вас. Поглядите на публичные дома Парижа или Рима! Чем они лучше невольничьих рынков? Тем, что купленную рабыню через час воз-

вращают обратно, к хозяину? В таких дешевых борделях принц и познакомился со своей убийцей. Его Высочество любил путешествовать по Европе и привозить из своих вояжей... сувениры. В гареме есть немка, итальянка, француженка и две близняшки из Турции. Подозреваю, что на родине все они были шлюхами. Кто еще соблазнится золотом и побрякушками, бросит дом и могилы предков, чтобы добровольно – я подчеркиваю! – уехать на чужбину и стать там одной из многих игрушек для постельных утех?! Никто не зарыдает об этих лахудрах, матери давно их забыли, а отцы умерли от стыда. Но если мы в один день обезглавим подданных четырех разных стран, то начнется... Шайтан знает что! Турция давно ищет повод отозвать своего посла. А кайзер Вильгельм? Вообще непонятно, какой реакции от него ждать. Этот безумный милитарист вполне способен нам войну объявить. И его тут же поддержат проклятушие англичане. Учитывая шаткое положение, я согласился допустить вас к расследованию гибели принца. Хотя это противоречит законам, но мы сумеем скрыть участие иностранца в столь щепетильном деле. Попробуйте отыскать виновницу за ближайший час, иначе...

На этот раз он оборвал свою речь на самом драматичном месте, и зловещая пауза наполнилась могильным холодом.

– Иначе придется казнить всех наложниц, – вздохнул Севрюгин. – Шах Насреддин не позволит убийце сына встретить рассвет.

* * *

Мармеладов осмотрел тело принца, внимательно изучил ворсинки ковра, заглянул под кровать. Встал с колен, подергал колечки балдахина – легко ли оторвать хоть одно? Крепко держатся. Взглянул на потолок, в котором отражалось место преступления.

– Спешу вас разочаровать... В комнате нет улик, указывающих на конкретного человека. Проводите меня в тот коридор, где нашли зарезанного евнуха.

Севрюгин кивнул и пошел вперед, визирь же зашагал вровень с сыщиком.

– Возможно, я дал излишне резкую характеристику и вы могли сделать неправильный вывод из этих слов. Поверьте, принц не был авантюристом или искателем низкопробных приключений. Ко всем своим избранницам Его Высочество относился с добротой и снисхождением. Никогда не бил женщин за строптивость или проявление излишних эмоций. Вот, скажем, пару месяцев назад его любимица, Аревик, узнала, что понесла ребенка. Расплакалась от счастья и принц прилюдно осушил ее слезы поцелуями. Хотя другие мужчины в подобной ситуации наказали бы наложницу за то, что позорит своего господина.

Что-то в тоне Азугар-хана подсказало: великий визирь как раз из тех, «других мужчин», и поступок принца считает глупым, а его самого – романтическим слюнтяем.

– Аревик... Она здесь? – уточнил Мармеладов.

– Нет, Али-Мирза оставил ее в Табризе. Путешествие в такую жару повредило бы будущему ребенку. А может принц хотел скрыть, что в Тегеране он проводит время, в основном, с «иностраным легионом».

Это прозвучало грубовато, и визирь снова начал плести кружева.

– Не подумайте плохого. Во дворце к заморским красавицам относятся с должным уважением, а принц в них души не чаял. Одаривал шелками и самоцветами, с каждой говорил на ее родном языке. Специально учил немецкий, французский и итальянский. К тому же он верил, что для будущего правителя крайне важно быть полиглотом. Иностранца легко обмануть, запутав неправильным переводом, на этом стоит вся международная политика. Но невозможно обмануть того, кто свободно говорит на твоем языке и понимает все тонкости... Однако, мы пришли. Коридор ведет на женскую половину, а в этом углу – видите кровавое пятно?! – нашли зарезанного евнуха. Тело унесли. Захотите взглянуть – вас проводят.

– Нет необходимости, – покачал головой сыщик. – Я уже знаю, как именно отравили принца и готов указать его убийцу. Где сейчас наложницы?

Визирь махнул рукой вглубь коридора.

– Рыдают в общей комнате. Оплакивают Али-Мирзу... Пойдите! Вы действительно знаете, как его убили?

– Это несложно вычислить. Когда все иные варианты исключены, то правильным будет последний, пусть он и кажется невероятным, – Мармеладов ухватился за недавние слова. – Так, говорите, наложницы рыдают? Это вы сообщили им об убийстве?

– Я?! – Азугар-хан брезгливо поморщился. – Я с этими... Словом не обмолвился. Просто заглянул в комнату, убедиться, что все на месте.

– Отчего же они рыдают?

– Притворяются, что сильно любили принца. Впрочем, одна или две, наверное, плачут искренне.

– Но как наложницы узнали, с какой целью их всех пересчитали и заперли?

– Возможно, ассасины проговорились... О, я понимаю ваш намек! Стражи поневоле хранят молчание. Я ничего не сообщал. Севрюгин в гарем не заходил.

– Значит, слух пустила убийца! – подхватил фотограф. – Нужно спросить, от кого первого девицы узнали...

– Не выйдет, – перебил сыщик. – Вы же сами утверждали, Антон Васильевич, что в данном вопросе нельзя доверять их словам – оболгут любую. Нет, здесь куда важнее сам факт. Почему убийце выгодно пустить этот слух?

– В каком смысле – выгодно? – визирь не понимал, куда именно клонит Мармеладов и его это заметно бесило. – Выгодно, чтобы все заплакали?

– Разумеется! Только так злодейке удалось спрятаться.

– Как это? – фотограф тоже ничего не понимал.

– Пойдемте в гарем, я покажу.

– Нельзя! – взвился Азугар-хан. – Лица наложниц не может увидеть ни один чужак, а тем более иностранец. Это запрещено и даже за мимолетный взгляд сурово наказывают.

Сыщик всплеснул руками и картинно вздохнул.

– О, вечные предрассудки...

Великий визирь побагровел, – его укололи собственной шпилькой, – но моментально взял себя в руки.

– И, тем не менее, вы можете увидеть только их глаза!

– Этого вполне достаточно.

* * *

Гарем напоминал закатившееся на обочину колесо. От небольшого пятка в центре круглого зала разбежались невысокие перегородки, отделяя каморки для наложниц. Дверей не было и, чтобы хоть как-то скрыться от чужих глаз, девушки заполняли пространство кадками с цветами и фигурно подстриженными кустиками, разворачивали кресла спинками наружу, городили целые башни из пуфиков, шкатулок и книг. За этими баррикадами они и рыдали, каждая в своем закутке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.